

Азбука **Голоса**

Владимир Березин

СНТ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 48

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Орехова

ISBN 978-5-389-25967-6

- © В. С. Березин, 2024
- © Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®
- © Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

(СНТ)

Да не на мнозе удаляйся общения Твоего, от мысленного волка звероуловлен буду.

Иоанн Златоуст

В прежние времена посёлок мелел ещё ранней осенью, когда его покидали дети. Детям нужно было ходить в школу, и, естественно, в конце августа они исчезали вместе с родителями. В посёлке оставались только пенсионеры, которые с утра до вечера что-то подвязывали, обрезали и укрывали на зиму. Если на участке не копошился почти неотличимый от почвы и судьбы человек, то, значит, жди беды. Старый хозяин либо затяжелел и готовится к смерти в городе, либо она уже совершилась, но правление посёлка ещё не зафиксировало её в своих огромных амбарных книгах.

А вот рядом были настоящие дачи — те, что давала исчезнувшая власть заслуженным людям. На тех пространствах земельного отвода могло поместиться пять или шесть здешних. И дома там стояли большие, зимние, не из фанеры, а из брёвен или камня. Потом заслуженные люди начали умирать — ровно так же, как люди простые. Наследники были не всегда дружны и сговорчивы, так что огромные пространства

внутри соснового леса стали нарезаться на пространства куда более мелкие, приближавшиеся к размерам садоводческого посёлка, который на указателях назывался просто «СНТ». Полное название на указателях не помещалось.

В новые времена и в посёлке разрешили строить любые дома, а не только домики из фанеры. Граница между посёлком и старыми дачами размылась. Постепенно вымерло и потомство заслуженных людей, исчезли и отчаянные садоводы, которые были способны спать между грядок. Рядом провели новую трассу, поставили кафе для дальнобойщиков. Дачи принялись было разбирать на дрова, но тут в посёлок провели газ, и старые, трухлявые дома стали разрушаться сами по себе. На второй год карантина выяснилось, что даже самый ухоженный садик зарастает дикой мочалой за несколько месяцев. Кто-то совсем перестал приезжать, а другие, наоборот, окончательно переселились в посёлок, так что баланс не нарушился.

Общим оставалось одно — то осеннее безлюдье, когда на посёлок, как и на все окрестные дачи, надвигается октябрьская мгла и в ней постепенно исчезают немногие огоньки.

В одном из новых домов посёлка жила молодая девушка, приехавшая из степей на границе с Монголией, чтобы завоевать столицу. С ней произошло то же, что и со многими древними завоевателями из тех краёв. Они снаряжали войско, отправлялись в путь, были даже успешны в битве, но потом оказывалось, что завоевали они что-то не то, — во всяком случае, не то, что они хотели. Так и эта девушка, не про-

играв ни одного сражения, вдруг обнаружила себя в кафе на трассе — в белом переднике. Хоть теперь это место уже считалось столицей, результат её, понятно, не радовал. Она снимала дом и подозревала, что скидка в оплате предполагает услугу сторожа. Весной хозяева вернутся и придётся искать новое место, но это будет только весной, так что об этом можно было пока не думать.

Идя в своё кафе и возвращаясь домой в одинаковой серой мгле, она видела два вечно горящих окна старой дачи. В этом месте садовый посёлок кончался, а дачный начинался, но никому до этого не было дела. Даже электрическая линия приходила на один трансформатор, и, только исследуя провода, можно было понять, куда они несут электричество. В том дачном доме жил старик, кажется вполне мусорного вида, и девушке казалось, что он просто экономит на движениях. Оттого свет горит круглые сутки, потому что ему лень поднимать руку к выключателю. Каждый раз, проходя мимо этого дачного света, похожего на бруски сливочного масла, она испытывала зависть. Этим людям не нужно было ничего завоёвывать, всё своё они получили в наследство — вместе с лесом, его ползучими обитателями, а также птицами. Да и сам дом был побогаче, чем тот, что снимала она. Чужая дача иногда казалась ей живым существом, и девушка время от времени даже разговаривала с ней. Про себя, конечно. Старые и новые постройки тут вообще были живее многих людей, а председатель правления СНТ и вовсе казался похож на зомби.

Не сказать, что тот дом был разговорчивым собеседником, но девушке нравилось, как он встречает её своими жёлтыми глазами.

Однажды в кафе приехала санитарная служба, чтобы произвести ритуальный, но не очень действенный обряд полива и опрыскивания помещений какими-то загадочными веществами. Поэтому официантка отправилась домой в неурочный час. Спиной она чувствовала, что кто-то приближается к ней, идя чуть быстрее. На всякий случай девушка сунула руку в карман, где притаился безнадёжный оборонительный баллончик. Но человек обогнал её по другой стороне просёлка и свернул к дачам. Он отворил ту самую калитку, за которой светились два масляных глаза, и вот уже должен был исчезнуть за ней, как оборвались ручки у сумки на его плече. Немудрёная еда рассыпалась, и к ногам официантки подкатилась голубая банка сгущёнки.

Ей было не трудно помочь пожилому человеку, и вот они уже уселись на корточки, следуя поверью, что быстро поднятое не считается упавшим. Вместе они подтащили набитую сумку к крыльцу, и теперь она разглядела его. Старик оказался не таким уж стариком, скорее человеком, возраст которого смыт с лица. Но точно — пенсионер, такому может быть и шестьдесят, и семьдесят.

Хозяин благодарил, предлагал чаю, но ей не хотелось ступать в чужой дом, наверняка пропитанный запахами одинокой старости.

Вдруг он сказал:

— А вы представьте, как тут было сто лет назад. Прямо на этой веранде... Летом, тёплым вечером, когда самовар остывает.

Официантка огляделась. Веранда была завалена мёртвыми листьями, длинная лавка и стол чернели в дальнем углу и явно простояли тут сто лет. Ближе расположилось кресло, тоже старинное, и даже на расстоянии чувствовалось, какое оно мокрое.

— Её звали Елена Николаевна, простое имя — да, мало годное к запоминанию. Любила варенье — больше варить, чем есть, — продолжил старик. — Ну и мужа, конечно.

Девушка представила всё это — и мужа, и варенье, и получилось неожиданно легко. Елена Николаевна сидела на веранде, кутаясь в серую шаль. Самовар остывает, вечер, скоро осень, и комаров почти нет.

На веранду выходит муж, разминая в пальцах папиросу.

— А тебе не кажется, милый друг, что у нас стало как-то необычайно много ежей? — говорит она. Муж улыбается той улыбкой, что слышна в сумерках. Он отвечает, что ежи во все не такие милые, какими могут казаться. И пеликаны не только символ родительской заботы. Все животные, в общем, не то, чем они кажутся. Он говорит это со знанием дела, потому что только что выбран в академию по отделению биологии.

— Нет-нет, в Медицинскую академию, — сказал кто-то над ухом, и девушка решила, что думать вслух довольно опасно. И у стен бывают уши, и все эти смутные желания хороши тем, что не высказаны.

— Да, но, с другой стороны, он был скорее биолог, чем врач. Никого не лечил, во всяком случае. Так что всё верно, даже идеально. Пойдёмте.

Хозяин уже ничего не спрашивал, а просто повёл её внутрь. Никакого мерзкого стариковского запаха она не ощутила, но пахло немного странно — нездешним, каким-то заморским деревом, сушёным зверобоем, который пучками висел под низким потолком, и ещё чем-то, кажется, церковным.

Чай оказался тоже не чаем, а заваренной суданской розой, иначе говоря — каркаде. Гостя по привычке, которой её научил родной город, прикинула пути отхода и оценила опасность. В каркаде опасности точно не было.

Она принялась рассматривать хозяина. Они действительно виделись несколько раз на этой дороге к трассе, но тогда девушка воспринимала его как деталь пейзажа, нечто неодушевлённое, но движущееся. Ходячий куст. Это где-то уже было... Нет, там был горящий куст. А ходячий был лес.

— В лесу у нас хорошо. Ежей только очень много, ежи ведь санитары леса, всё подъедают. Они довольно суровые, что-то вроде дементоров. — (Девушка внимательно посмотрела на него, проверяя, не послышалось ли ей это слово.) — Когда-то зайцы были, и даже волки. Но волками больше детей пугали, знаете, чтобы дети одни в лес не ходили. Тут, конечно, не тайга, но дня два проплутать можно было. Сейчас много дач построили, и дорогу будут расширять, слышали? Кафе-то ваше не тронут?

Они поговорили о том, что придорожные кафе до конца не исчезают, а возрождаются неподалёку, как феникс из пепла. А вот часть дач хотели снести, чтобы построить развязку. Не-

понятно, чем кончилось дело, но продавать землю тут уже было нельзя. И да, это трагедия. Помните фильм про гараж? Ну, не обязательно, конечно. Нет, и не важно, это к тому, что так было всегда. Человек держится за свою норку, а жизнь его оттуда выковыривает. Нет гнёздышка, нет норки — и ухватить тебя не за что. Так и академик говорил, но он был биолог и считал, что цель жизни — размножение. Не просто размножение, а ещё и захват территории. Это очень хорошо заметно у полевых мышей. Так-то академик говорил, что люди живут ради детей, это то же самое, просто лучше звучит. А жена его спрашивала за этим столом, зачем вся эта его медицина, для чего? Потому что человек всё равно умирает. Сперва живёт ради детей, а иногда дети умирают раньше. Но это потом она так говорила, после войны. Их сын погиб в сорок пятом, за два месяца до последних выстрелов. Был лётчиком, вернее, стрелком на бомбардировщике и сгорел в воздухе, не долетев до земли. Чистый, невинный мальчик, был в армии меньше года. Подавал большие надежды, хотел тоже стать биологом. Когда он был маленький, поймал однажды ежа, и тот, смешно топая, бегал по даче.

Сразу всё стало бессмысленным: и самодовольство оттого, что они увернулись от неприятностей тридцатых, когда Сергей Маркович ходил по комнатам и вслух торговался с судьбой. И то, что неприятности настигли его в сорок восьмом, но это были лёгкие неприятности. Всё обошлось, пересидел на даче, а потом вновь вернулся в медицинский институт.

В пятьдесят восьмом он стал действительным членом академии. В дачный посёлок за Сергеем Марковичем приезжала чёрная машина, чтобы отвезти его на службу, — сперва эта машина была округлой, потом стала угловатой, потом стала заезжать реже. А вот жена его в тот победный год выгорела изнутри. Они взяли в семью девочку рано ушедших родственников, скрывая от неё, а главное, от себя, что берут ребенка как собаку, для того чтобы заполнить пустое пространство.

Но стерпелось и слюбилось, хоть и без жара. Приёмная дочь стала орнитологом, в семьдесят третьем вышла замуж и засобиравалась в дорогу.

От дочери приходили открытки с нечитаемыми штемпелями. Иногда она присылала фотографии диковинных птиц. В объектив косил огромный пеликан, а из клюва его высывалась весёлая рыба. Рыбе было хорошо там, в клюве. Кажется, рыба смеялась.

Я думаю, что старый академик, оставшись один, просто проклял эту землю. Представьте себе, как он выходит на крыльцо и проклинает дачные и садоводческие посёлки. Стоит, как старый еврейский бог, и седая борода его трясётся в такт взмахам рук.

Официантка представила, и картина получилась завораживающая. Сосед ей уже нравился, за столом он казался моложе, и она поняла, что он не сумасшедший. Сумасшедших она видела много и на родине, и здесь. За несколько месяцев жизни в посёлке она обнаружила старуху, которая жаловалась на женщину с ребёнком, которые живут у неё на чердаке

и ссорятся. Всё бы ничего, но ребёнок потом плачет всю ночь. Крепкие старики-пенсионеры стали ветшать, как мебель. Они уходили по грибы, а потом звонили родным с какой-нибудь поляны, не понимая, где они, и путая имена детей. Да что там, не всегда помня своё имя.

Кончился у этих людей завод, взяла над ними верх биология.

А этот внук академика — наверное, он внук или муж внучки академика — был вполне крепок и остроумен. Причём явно к ней расположен и уже достал из буфета бутылку небедного вина. Можно было бы сойтись с ним, у него явно есть квартира в городе. Будет надёжный тыл, когда весной она снова начнёт битву за город. Но тут же она осеклась, побоявшись, что вдруг снова мысли вытекут из головы, как табачный дым.

— Да вы курите, — сказал хозяин. — Я и сам курю, только пока не хочу. А? Прямо здесь можно.

Но она встала, чтобы размяться, и вышла на крыльцо. Сквозь мглу беззвучно летел самолёт. Теперь, в карантинные времена, их стало мало, и огонёк можно было легко спутать со звездой.

Хозяин позвал её внутрь, и она, поторопившись чуть больше, чем нужно, споткнулась на пороге. Он поддержал её, и девушка вдруг ощутила, какой жар идёт от его тела. На минуту ей показалось, что у него температура, что по нынешним временам опасно. Нет, это что-то другое, и она поняла, что хозяин продолжает держать её и обнимает крепче, чем нужно.

Но ей понравилось, и она забралась рукой ему под свитер, поразившись твёрдости горячего тела.

Хозяин поцеловал её, больше властно, чем страстно, и вдруг подхватил на руки. Обошлось без вырванных пуговиц, вообще этот старый ловелас был очень умелым, и официантка обнаружила себя уже на столе. Опыт у неё был побольше, чем у многих, но фальшивый старик даже не запыхался.

Второй раз они сделали это уже в комнате, а третий — после разговоров. Так лежат вместе люди, не верящие в романтику. Они обнимаются без волнения.

Девушка сказала, что ей очень жалко того погибшего мальчика. Она тоже как-то принесла ёжика домой, а вот волков никогда не боялась. В её южных местах их просто не было.

— Волк есть везде, — ответил хозяин. — Детей пугали не тем волком из сказок, хотя даже родители тогда думали, что это волк, который ходит вокруг дачи, где заперлись семеро козлят. Родители, произнося всё это, говорили правду. Тут в лесу был мысленный волк.

— Воображаемый?

— Нет, мысленный. Это разные вещи. Любой, кто внимателен, мог увидеть его следы за сторожкой и у лесного озера. Но люди невнимательны.

Девушке нравилась эта игра, и когда она повыла в третий раз, будто волчица, она вернулась к разговору о лесных жителях. Мужчина отвечал, что всё есть, ничто не исчезло, просто надо присмотреться. Пророчество сбылось. Она переспросила, и ей ответили, что это

из книги одного пророка, который, проклиная город, обещал, что превратятся реки его в смолу, и прах его — в серу, и будет земля его горящею смолою: не будет гаснуть ни днём ни ночью; вечно будет восходить дым её. Будет от рода в род оставаться опустелою; во веки веков никто не пройдёт по ней; и завладеют ею пеликан и ёж. В этих словах чувствовалось какое-то дикое могущество: пеликаны и ежи оказывались главнее людей.

Она представила это странное зверьё, сирина и струфиона, а также онокентавра, и уже не понимала, спит или слушает, но, выплывая на поверхность сна, а потом ныряя на глубину, ощущала себя девочкой, что стоит у калитки в лесу. Она слышит хруст веток под лапами зверя, ещё невидимого в сырой холодной темноте, но вот — как две звезды, два самолёта, две фары — зажигаются его глаза, и Мысленный волк уже беззвучно выходит из кустов орешника, обдавая её жаром своего дыхания.

Когда она проснулась, рядом никого не было. На столе был кофейник, ещё горячий, явно приготовленный для неё. Утреннюю сигарету она выкурила уже на веранде и решила, что зайдёт к хозяину после работы.

Но на обратной дороге со службы официантка обнаружила, что заветное окно не горит. Около столба стояли председатель правления с электриком. Председатель смотрел, как небо постепенно становится звёздным, а электрик проповедовал нравственный закон распределительному щитку. Отвечая на незаданный вопрос, председатель объяснил, что товарищество не обязано оплачивать забытый хозяева-

ми свет. А вчера пришла официальная бумага о смерти старухи. Какой старухи? Ну этой, внучки, отвечал председатель. А внук? Про внука ничего не было известно, зато её спросили, не тяжело ли работать в кафе. Не тяжело, а вот название дурацкое — почему «Пеликан»? Что за пеликан? Откуда? Ей велели не расспрашивать.

— А, — сказал председатель. — Открою этот секрет, мне всё равно. Хозяин тутошний, из местных — зовут его так. Просто авторитет какой-то.

И девушка пошла к себе, оставив за спиной этих двоих. С каждым шагом их голоса становились тише, и в этой тишине проявлялось медленное движение ежей в траве и хруст веток в лесу.

(ночной самолёт в дачном небе)

Они кажутся фантастичными,
как казался ещё недавно и сам
атомный самолёт.

*Борис Ляпунов. Вокруг шарика
(Огонек. № 18. 1956)*

Мы сидели на крыльце в сгущающихся сумерках. Наши матери выглядывали — как мы там, и меня веселило, что они боялись, не покуриваем ли мы. На дачах были тысячи мест, где это можно было сделать тайком, а они боялись, что мы будем курить прямо у них на глазах. Да и бояться надо было совсем других вещей, не табака теперь все боялись.

А уж наши отцы задымили сразу после ужина.

Их фуражки висели рядом — у моего отца околыш был голубой, а у Лёхиного — чёрный. Они всё время шутили, что, дескать, один должен сбивать другого, а тот должен бомбить первого. «Сами не летаем и другим не даём!» — приговаривал Лёхин отец. А вот Лёха всегда завидовал моему шлему, настоящему шлему пилота, чёрному, кожаному, с вставками для наушников. У его отца такого шлема не было, зенитчикам лётные шлемы были не положены. Правда, и мне мать запретила носить этот шлем — если я затягивал ремешок

на подбородке, то не слышал уже ничего, а она боялась, что я попаду под машину.

Я бредил авиацией и представлял себя в кабине бомбардировщика — в кожаной куртке, в шлеме, с планшетом, откуда перед вылетом надо достать конверт с указаниями — точно, на Берлин, мы готовы к этому, и моторы нашего ТБ-7 уже ревут на старте, мы знаем, что вряд ли вернёмся на родной аэродром, прощай, мама, прощай, Лёха...

Мы жили на соседних дачах, и в городе наши дома были неподалёку.

Дружили наши матери, дружили наши отцы, и мы с Лёхой жили как братья.

Сейчас отцы наши крепко выпили, и мой остался на веранде — сидеть и смотреть на чужую работу. Дача — это всегда много посуды в холодной воде. Тарелки стучали друг о друга, тихо звенели вилки.

Лёхин отец вышел к нам, как раз когда в небо россыпью бросили крупные августовские звёзды.

Там, в вышине, мигал разноцветными огнями заходящий на посадку самолёт. Ещё выше по небу медленно двигалась белая точка, и я подумал, что это, наверное, спутник или космическая станция.

— Да, — сказал Лёхин отец, — много всего в воздухе нынче болтается. В мои-то времена...

Лёха скривился, и я знал почему — сейчас его отец будет вспоминать, как начинал службу.

Мы слышали этот рассказ не раз — и всегда вот так, после шашлыков, когда Лёхин отец приходил в сентиментальное состояние.

Он и выглядел в этот момент моложе.

А рассказывал он всегда о том, как начал служить в зенитном полку, одном из многих, стоявших под Москвой. Эти полки встали там ещё при Сталине, а ракеты для них придумал сам Берия. Ну или сын Берии, или внук — всё равно. Мы как-то ездили на велосипедах к такому месту: нам рассказали, что это огромные сооружения. Их строили странные люди — зэки, и после эти бетонные штуки не стали ломать, потому что как начали, так обнаружили, что внутри толстых стен эти самые зэки и замурованы.

Никаких скелетов мы не нашли — военная часть была в запустении, всюду валялся мусор, и местные пацаны, судя по пустым бутылкам, уже выпили там целое море пива. Честно сказать, местных мы боялись больше, чем скелетов.

Внутри бетонных укрытий было нагажено, всё мало-мальски ценное растащили, и мы не стали рассказывать об этом Лёхиному отцу, чтобы не расстраивать.

А когда мы, снова оседлав велосипеды, приехали года через два с новенькой цифровой мельницей, то оказалось, что перед нами крепкий забор, а вместо развалин военного городка — коттеджный посёлок.

Но для Лёхиного отца все эти сооружения были живы, он перечислял смешные позывные и названия каких-то приборов. Рассказывал, как надёжно всё было придумано ещё тогда, в конце сороковых, а после, когда там служил Лёхин отец, в специальном месте сидел пулемётчик, который должен был сбивать крылатые ракеты.

Березин В.

Б 48 СНТ : роман / Владимир Березин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 416 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-25967-6

Эта книга — о мистике дачной жизни, а «дача» — слово универсальное. Так называют и участок в садовом (некоммерческом) товариществе, что на указателях сокращают до СНТ, и загородный дом в четыре этажа, и огород с притулившейся в углу времяяной. Её называли по-разному: имением, фазендой или каким-нибудь Монрепо. Три кита держат жизнь успешного человека: дача, квартира и автомобиль. И из них кусок земли, отделённый от мира сеткой-рабицей или каменной стеной, — самый главный. Там дышат почва и судьба. От первых шагов среди высокой травы до смерти меж грядок с зажатою в руке выполотой травой окружает она русского человека. Не действуют в садовом товариществе городские законы, там возникает особое братство или лютая вражда, когда сосед готов пойти на соседа с косой за тень, упавшую на теплицу с помидорами. Герои этой книги — люди разные, тут и академики, и журналисты, и бизнесмены, но объединяет их она — дача. А на даче возможно всё: в лесу вдруг оживает мёртвый слёт казспэшников, магический предмет захер, спрятанный от посторонних глаз в подвале, преобразует время и пространство, а милая семейная пара по соседству выращивает тыквы, чтобы превратить их в тюрьмы для душ.

Владимир Березин — прозаик, литературовед, журналист. Автор реалистической и фантастической прозы, биографии Виктора Шкловского. Лауреат премий журнала «Новый мир», премии А. и Б. Стругацких, «Московский наблюдатель», финалист премии «Большая книга» и других.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БЕРЕЗИН

СНТ

Редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная вёрстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Игнатьева, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.07.2024.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 19,37. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-34944-01-R